

В. СТОЯНОВ

CODEX CUMANICUS : ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Исследование *Codex Cumanicus* многими известными филологами и историками длится около двух веков. Его публикация дала возможность ознакомиться с ценным источником, обогатившим наши знания о взаимоотношениях Запада и Востока в далеком XIV столетии. Кроме того, она положила начало научному изучению куманского этноса. До тех пор куманов традиционно считали “потомками” сыновей Ноя, Иафета или Сима, и, соответственно, отождествляли с узенями и печенегами или же с готами и сарматами. Даже в историографии. В середине XVIII в. русский историк В.Татищев попытался объединить оба мнения, рассматривая половцев вместе с торками и печенегами и при этом ведя их происхождение от сарматов¹. Немецкие исследователи Й.Тунманн и Й.К. фон Энгель полагали, что куманы и узени являются одним народом². Такого же мнения придерживался датский королевский историограф П.Ф.Зум. Хотя он принимал узеней за осов (или узуней), берущих свое начало от гуннов, он различал половцев и куманов (последних идентифицировал с торками)³. А.Л.Шлёцер, напротив, интерпретировал этнонимы “половцы” и “команы” как два имени одного и того же народа (подобно обозначениям “немцы” и “алеманы”). Несмотря на утверждение Анны Комниной, что куманы – *οδοιυλτοι*, он отделил их от печенегов⁴. Он игнорировал предполагаемое родство куманов с узенями и не занимался “азиатскими куманами” (кипчаками), так как в Зибенбюргене не было ни узеней, ни кипчаков. Однако, А.Л.Шлёцер критиковал распространенный в Венгрии тезис об идентичности мадьярского и куманского языка. Хотя он и усомнился в достоверности сведений Г.В.Лейбница о существовании „*dictionarium linguae Cumaniae*“⁵, он надеялся, что открытый в будущем какой-нибудь еще живой азиатский язык дал бы окончательное объяснение куманским именам, сохранившимся в старых источниках, и этническому происхождению куманов.

¹История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная покойным тайным советником и Астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга первая. Часть первая. Напечатана при Императорском Московском Университете 1768 года.

² *Thunmann J. De chunis, Cunis, Hunnis et Comanis // Acta Societatis Iablonovianae. Lipsiae, 1773. Vol. IV, p. 279-296. См. также: Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. I. Theil. Leipzig, 1774; J.C. von Engel. Fortsetzung der allgemeinen Weltgeschichte durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Teutschland und England ausgefertigt. Halle, 1797, S. 293-474.*

³ *Suhm P.F. Abhandlung von der Uzen oder Polovzern // Nestors Jahrbüchern der russischen Geschichte. Leipzig, 1774, 4, S. 271-310.*

⁴ *Schlözer A.L. Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. II. Stück: XII kritisch-historische Untersuchungen. Göttingen, 1796.*

⁵ *Gothofredi Guillelmi Leibnitii. Opera omnia. Genevae, 1768. Tom VI, Pars 2, Pag. 188.*

Такой "словарь" тем не менее действительно существовал. Епископ из Эмоны, Якоб Филипп Томазини, еще в 1650 г. сообщал о наличии среди книг Франческо Петрарки "Alphabetum Persicum, Comanicum et Latinum Anonymi" (первое упоминание *Codex Cumanicus* в научной литературе)⁶ и в 1741 г. Антонио Занетти описал произведение в своем систематическом каталоге. Саму рукопись разыскал в 1769 г. и переписал первые 22 страницы Даниель Корнидес. На основании этого материала он в письме Жоржу де Пре, в то время известнейшему венгерскому историку, высказал мнение, что куманы, вероятно, были кипчаками-татарами, их язык – кипчакским диалектом. В течение десятилетий его наблюдения оставались неизвестными широкой общественности. По этой причине куманов как и прежде считали мадьярским родственным народом, а слава открытия *Codex Cumanicus* досталась великому востоковеду первой половины XIX столетия Юлиусу фон Клапроту.

Как часто происходит в процессе научного изучения, Ю. фон Клапрот обнаружил кодекс случайно. Когда он в 1824 г. перелистывал написанную Томазини биографию Петрарки, среди перечисленных книг великого поэта он нашел также „Alphabetum persicum, comanicum et latinum“ от 13С3 года и приведенные из него три первых строки. Распознав в этом „Alphabet“ какой-то словарь, Ю. фон Клапрот заказал копию манускрипта, которую он благодаря усердию, к сожалению? неизвестного венецианского библиотекаря, получил еще до ноября того же года. Книга действительно оказалась словарем, около 2500 слов которого были записаны на 118 страницах в 3 столбца (латинские, персидские и куманские). Ю. фон Клапрот сразу приступил к подготовке научного издания этого уникального источника. Свои наблюдения и выводы он изложил в 1826 г. в короткой статье в *Journal Asiatique*. Через два года последовала публикация всего „Vocabulaire“. Для облегчения пользования словарем Ю. фон Клапрот снабдил персидскую колонку современными персидскими формами и сравнил куманские глоссы с османо-турецкими словами и с таковыми из тюркских наречий в Средней и Северной Азии. Он определил куманов как тюркский народ, расколовшийся после монгольского вторжения (куманы, бежавшие в Венгрию, крестились и переняли венгерский язык; оставшиеся на родине смешались с ногаями и "капчаками" и сформировали другую нацию). По-видимому, во время монгольского господства в Крыму изучением куманского языка занимались как миссионеры католической церкви, так и итальянские купцы, как раз последние могли составить словарь в своих практических целях.

Публикация этого материала пролила свет на этническую принадлежность и язык позднесредневековых кочевников Европы, что дало новый толчок их изучению. Все больше исследователей считали куманов тюрками⁷, и лишь венгерские ученые настаивали на мадьярско-куманском языковом родстве. Это обстоятельство заставило Р.Рёслера не только описать значение куманов для начала молдавской истории, но и подвергнуть критике убеждение П.Хунфалви, что языки печенегов и куманов "если не идентичны венгерскому, то являются близкородственными". В своих „Romanischen Studien“ (1871) Р.Рёслер объяснял создание клапротского "вокабуляра" активными торговыми отношениями Генуи и Венеции с Северным Причерноморьем, что привело к продолжительным контактам с куманами, вследствие чего возникла необходимость изучения их идиом. Чтобы показать несостоятельность "венгерского тезиса", Р.Рёслер сравнил в приложении отдельные куманские глоссы из кодекса с их тюркскими и венгерскими соответствиями. Они послужили доказательством не только того, что язык

⁶ Отдельные работы упомянутых здесь авторов смотри в прилагаемой библиографии.

⁷ В работах К.F.Neumann (1827), J. von Hammer-Purgstall (1834), D'Arvezac (1839), M.Müller (1855), A.Kunik (1855), M.Pogodin (1857), A.F.Pott (1870), G. Koltzoff Massalsky (1872), N.Aristov (1877), P.Burčakov (1877) и т.д.

куманов не имел ничего общего с венгерским, но и того, что он ближе восточно-тюркским наречиям, чем османо-турскому.

Одним из интереснейших исследований после появления клапротского словаря является работа Отто Блау о языке и народности куманов, опубликованная в 1875 г. Латинская часть и транскрипция тюркских слов свидетельствуют, по его мнению, о "венецианском диалекте составителя". Тюркский идиом содержал также заимствования, что позволяет судить о связях куманов с соседними странами и народами, к примеру *samola* (< русс. смола), *uxba* (< русс. узба), *bor* (< ung. bor) и т.д., некоторые немецкие глоссы, но прежде всего слова и выражения, подтверждающие влияние на куманский язык арабской и персидской культур. Наличие специфичной лексики, относящейся к "исламской терминологии", побудило О.Блау задать вопрос, были ли куманы христианами или мусульманами. Наряду с указаниями на знакомство с христианской символикой и догматикой имелись и те, что позволяли заключить о ранних мусульманских влияниях. Например, в порядке дней недели. Хотя он и соответствовал персидскому, причем *Sabbat* 'субботу' (перс. *sambe*) дополняли цифры от 1 до 5 (*je[k]-sanbe, tu-sanbe* и т.д.), для 'пятницы' в нем служило обозначение *Ayda* (араб. 'ayd 'праздник'). Исламский след, кроме того, несут некоторые куманские названия месяцев, кажущиеся необычными для традиционного календаря, например: *Safa*: ay 'январь' или *Curbanbairam ay* 'ноябрь' (< *kurban bayram* 'праздник жертвоприношения'). Исходя из этого, О.Блау предположил, что куманы почерпнули "большую часть этого заимствованного языкового наследия вместе с магометанской религией из мест их поселения в Туркестане". Их язык, зафиксированный в глоссарии, дает ясную картину "восточного" тюркского наречия, близкого древнеузбекскому диалекту в Хиве. О.Блау подчеркнул значение памятника для тюркского народного языка XIII в. и заметил, что "было бы благодарным трудом, если бы одна из Академий, Санкт-Петербургская или Венская, или научное общество, к примеру, Немецкое Ближневосточное (*Deutsche Morgenländische*), предприняли бы издание Венецианской рукописи согласно современным требованиям науки".

Желание немецкого востоковеда в скором времени исполнилось. Его осуществил великий венгерский ученый, граф Гезо Кун, написавший еще в 70-е годы две небольшие работы о кодексе и опубликовавший манускрипт в 1880 г. В отличие от более ранних обозначений он назвал его "Куманский кодекс" (*Codex Cumanicus*) и это название до сегодняшнего дня употребляется в научной литературе. При этом издатель руководствовался не только личными мотивами прославить своих предков (*Kuun* < венг. *kъl* 'Kuman'), между тем он отразил в заглавии исключительно их имя (по Я.Дашкевичу, 1985 г.), но он также исходил из факта, что рукопись имела вторую, отсутствующую у Клапрота, часть, которую вряд ли можно было бы определить как "словарь". Г.Кун снабдил изданный текст обстоятельным предисловием, в котором он дал информацию об изучении кодекса, языке и судьбе куманов, распространении среди них христианства, значении использованных букв и т.д. Среди прочего имелись грамматические аннотации зафиксированного в кодексе тюркского языка, анализ персидских, германских и латинских глосс, а также обзор материала и детальное описание содержания (*Conspectus Codicis*). Текст памятника был транслитерирован и издан с многочисленными примечаниями, содержащими дополнительные данные по существу, исправления, переводы, литературу и др. Также прилагались два экскурса (в том числе о куманских загадках), *Glossarien* тюркских, персидских, немецких или средне- и позднелатинских слов из кодекса, указатель имен и *Addenda et corrigenda* к некоторым местам.

Публикация Г.Куна представляла собой большой шаг вперед по сравнению с первым изданием Ю. фон Клапрота и дала начало сугубо научному изучению манускрипта. В нее входил не только известный список слов, но и другая часть кодекса, очень неоднородная по своему составу. Г.Кун четко разграничил две части, имевшие разное происхождение,

но позже соединенные вместе. Речь шла о „*scriptor vocabularii*“, то есть об одной руке, записавшей первую часть кодекса в 1303 г. и отличавшейся от почерков „*scriptores secundae codicis parti*“, принадлежавших в основном немецким миссионерам („*missionarii fidei christianae germanici*“). Большое внимание он также уделил загадкам и текстам религиозного содержания, причем цельный тюркский текст „*Ave porta paradisi*“ был разделен на стихи, где, как в латинском оригинале, каждая строфа начиналась с „*Ave*“, а каждая строка имела 7 или 8 слогов. Таким образом, издатель оказался первым исследователем, которому удалось выделить в кодексе большой поэтический текст. Изучение орфографии трехязычного глоссария показало, что, учитывая три наиболее вероятных места происхождения составителя (Венецию, Милан и Геную), его следует искать скорее среди генуэзцев, так как в начале XIV в. в европейской торговле с Ираном и Золотой Ордой доминировала Генуя. В немецких записях, напротив, прослеживаются черты франкского диалекта („*dialecti franconicae*“). На основании этого Г.Кун пришел к заключению о том, что составитель второй части был родом из областей распространения средненемецкого диалекта („*media germanica*“). Издатель внес свой вклад также в анализ персидского и латинского языкового материала, описал грамматику „куманского“ языка, дал интерпретацию многих слов, указал латинские оригиналы переведенных на куманский религиозных текстов, прокомментировал итальянские стихи. Тем самым он заложил прочный фундамент для выявления особенностей манускрипта и его дальнейшего изучения.

Издание графа Куна нашло живой отклик у научной общественности и стало предметом широкой дискуссии (С.Desimoni (1881), P.Hunfalvy (1881), I.Gyárfás (1882), N.Daškevič (1882), S.Salaville (1911)). Некоторые ученые требовали от издателя ответа и побуждали его к публикации дальнейших работ. Эмилио Теца, проведя в 1891 г. новое исследование рукописи, исправил многие недостатки издания Г.Куна. Он также расшифровал некоторые неразборчиво написанные итальянские стихи, автором которых считали Петрарку, и доказал, что они, как и сам манускрипт, не принадлежат руке великого поэта. Исходя из записей, содержащих ошибки, Э.Теца предположил, что кодекс скорее является копией более раннего оригинала. Его могли составить немецкие монахи францисканцы, а позже, возможно, какой-то купец внес все то, что имеет отношение к торговле.

В тюркологии оценку данных кодекса впервые дал Вильгельм Радлов. Еще в 1884 г. он писал о языке куманов, пытался реконструировать его фонетический строй и показать его место среди родственных языков. Через три года он опубликовал подробный анализ тюркского языкового материала памятника. При этом он опирался исключительно на издание Г.Куна, не сравнивая его с оригиналом, что привело к большому количеству ошибочных интерпретаций: вызвало критику. В.Радлов транскрибировал весь материал с помощью русского алфавита, используемого им для проб с тюркским языком. Для каждого слова он привел другие формы, в которых оно встречается в кодексе, и родственные лексемы из других тюркских наречий. В завершение, он составил список всех форм, которые он не мог объяснить, и сделал транскрипцию и перевод куманских текстов. Таким образом, ему удалось интерпретировать значительную часть материала. Иногда, однако, он позволял себе вольное прочтение, полагая, что рукопись копировал монах, недостаточно хорошо владевший куманским. В языке куманов В.Радлов выявил элементы казанско-татарского наречия и определил его как древний „западный“ тюркский язык, близкородственный поволжским диалектам и принадлежавший группе „кипчакских“ языков, носители которого в XI–XIII вв. населяли степи от Алтая до Черного моря. Он мог получить развитие в крымско-татарском и в языке переселившихся в XV в. в Литву караимов. Однако его не следует сравнивать с „восточно-тюркским“ чагатайским (древнеузбекским) литературным языком.

В конце XIX столетия *Codex Cumanicus* уже был знаком исследователям, занимавшимся восточноевропейской историей, но с момента публикации Г.Куна должно было пройти еще 30 лет, прежде чем он снова стал объектом детального изучения. В 1910 г. директор *Bibliotheca Marciana* Карло Фрати издал небольшое исследование итальянских стихов кодекса. Он согласился с мнением Э.Тецы, что манускрипт, возможно, не входил в собрание Петрарки. К.Фрати подробно остановился на изучении автографа последнего вероятного владельца рукописи. Не приведя серьезных аргументов, он, однако, отказался от предложенного Г.Куном чтения имени „Finale“ и идеи генуэзского происхождения трехязычного вокабуляра в пользу венецианского происхождения и чтения „Zinale“ или „Ziuale“, что позже не принял ни один исследователь за исключением Д.Дьёрфи.

В том же году вышли первые работы о *Codex Cumanicus* великого представителя Берлинской тюркологической школы Вилли Банга-Каупа. Он начал изучение текстов куманских проповедей. Он также впервые опубликовал фотокопии отрывков рукописи – еще одна заслуга автора, так как хорошее качество его факсимиле по сравнению с последующими фотографическими репродукциями позволяет более верное прочтение. Своими статьями он способствовал лучшей интерпретации куманских текстов. В.Банг стремился вывести тюркологическое изучение кодекса на точную научную основу, поэтому критически отзывался об издании Г.Куна и, особенно, о работах В.Радлова.

Упреки в адрес методов и результатов исследования В.Радлова были восприняты с такой презрительной иронией, что они еще летом того же года вызвали резкую реакцию Карла Залемана. Свое исследование кодекса К.Залеман разделил на тюркскую и персидскую часть. Сначала он осудил враждебные выпады В.Банга и в следующем разделе проанализировал произношение персидских глосс и дал список глаголов. Он показал некоторые особенности персидского наречия, родину которого следует искать в Хоразане, и присущие ему древние черты.

Защита К.Залемана и краткое объяснение В.Радлова, где он отказался от прежнего мнения о достоверности издания Г.Куна и признал свои переводы только „предварительными“, а не „дословными“, как он утверждал ранее, вновь побудили В.Банга к критике. Свои соображения он изложил в работе (1911 г.), посвященной, прежде всего, истории памятника. На основании анализа текста В.Банг подтвердил предположение Э.Тецы, что вторую часть кодекса написали немецкие францисканцы. Возможно, трехязычный глоссарий тоже составил какой-то миссионер, а не купцы из Верхней Италии, о чем свидетельствуют слова и понятия, связанные с религией и не необходимые в деле торговца. Итальянец работал над рукописью в регионе, где в равной степени использовался как куманский, так и персидский. Конечно, не в Венгрии. Обе части, таким образом, появились в результате деятельности францисканцев в странах Причерноморья, откуда они уже вместе попали в Италию.

В этой работе В.Банг также указал на то обстоятельство, что первую часть создали „*ad honorem Dei et Beati Johannis Evangelistiae*“, и Святой Иоанн считался покровителем писавшего. Следовательно, гипотеза о происхождении кодекса может найти свое подтверждение, если доказать существование ордена или братства, где этого святого почитали как заступника. В 1913 г. В.Банг сообщил имя такого монастыря (*Sanctus Joannes*), находившегося вблизи Сарая. Он обнаружил в списке францисканские братства, действовавшие в XIII–XIV вв. на землях Золотой Орды.

К 1914 г. В.Банг опубликовал большое количество статей о тюркском материале кодекса. Он занимался не только куманскими религиозными текстами, но и трактовкой отдельных слов и загадок, подлинного наследия народного творчества. Они не были оригинальными записями, а скорее копиями с более старого образца. Переписчик в некоторых случаях забыл указать разгадку. Здесь же наряду с транскрипциями и

переводами В. Банг дал факсимиле оригинального текста, что сделало возможным проверку интерпретаций и способствовало дальнейшим исследованиям. Вероятно, он собирался переиздать весь памятник (согласно Ю. Немету), но осуществлению его замысла помешала Первая мировая война.

Под влиянием его рабст появился ряд публикаций. В 1913 г. Юлий (Дьюла) Немет провел четвертое (после Г. Куна, В. Радлова и В. Банга) исследование куманских загадок и предложил новые толкования. Кроме того, Ю. Немет обнаружил, что последний текст, рассматривавшийся до тех пор как единое целое, представляет собой две отдельные загадки. Теперь их общее число увеличилось до 47. В заключение он утверждал, что *Codex Cumanicus* написан очень тщательно и с применением обширных знаний, а «монах, который его писал, знал куманский лучше, чем мы все вместе».

Примерно в то же время Ян Гжегожевский проанализировал кодекс в разных аспектах и сделал предположение, что первая часть служила материалом для проповедования христианства среди куманов. Наличие персидского столбца он объяснял большей «тонченностью» языка по сравнению с куманским, на котором переводчик не мог передать все абстрактные понятия христианского учения. Персидский был распространен среди куманской знати. После того как с его помощью были усвоены новые понятия, в персидском больше не нуждались и во второй части кодекса записали теологические термины уже на куманском. Польский ученый оспорил датировку рукописи 11-тым июля 1303 г., предложенную В. Бангом. В этом отношении он поддерживал вывод Э. Тецы и считал, что обе части изначально существовали как самостоятельные произведения и что сохранившийся экземпляр является второй или даже третьей копией оригинальной редакции, которая в любом случае предшествовала дате, стоявшей на первой странице.

Еще К. Залеман был склонен датировать кодекс XIII в. В. Банг его критиковал, хотя также полагал, что некоторые листы «немецкой» части, возможно, старше 1303 года. Полемика, которую они вели, имела большое значение для последующего изучения памятника. В 1924 г. к К. Залеману примкнул Александр Самойлович. При исследовании соотношения христианских и мусульманских месяцев в группе *Hec sunt tempora*, он заметил, что латинские обозначения не соответствовали арабским, ожидаемым для 1303 года. Например, напротив января в персидском столбце стоял второй мусульманский месяц *safar*, рядом с „*madius*“ были записаны шестой и седьмой месяцы *regeb* и *gimediclachel*. Название первого месяца *mugarâ* находилось в самом низу возле ноября, причем его положение позволяло соотнести это обозначение как с „*noiember*“, так и с „*december*“. После долгих размышлений А. Самойлович пришел к выводу, что представленное в тексте соответствие европейских и мусульманских месяцев близко к указанной дате в полной мере наблюдалось в 1294 году. Тогда совпали 1 января и 1 сафара 693 года Хиджры, в конце мая джемадиуль-ахыр сменился реджебом, в то время как месяц мухаррем следующего 694 года Хиджры начался 21 ноября и закончился 21 декабря. Для декабря поэтому не существовало никакого особого соответствия. Описанная в кодексе ситуация повторилась только в 1326 г., но не полностью. На основании данных результатов А. Самойлович сделал вывод, что „материал о мусульманских месяцах для персидского столбца ... записан не в XIV в., а в XIII в.“, то есть за девять лет до появления первой части.

Предложенная А. Самойловичем датировка оказала влияние на последующие работы. Тадеуш Ковальски, приступивший к изучению кодекса еще в 1928 г., изложил в статье о тюркских названиях месяцев результаты исследования куманского календаря. Т. Ковальски установил, что Г. Кун передал соответствующий список неточно. Он попытался реконструировать правильную последовательность, что уже было сделано итальянским переписчиком с помощью дополнительных линий, соединявших *gimediclachel* с „*madius*“, *regeb* с „*junius*“, *sabaam* с „*julius*“ и *mugarâ* с „*december*“.

В том же 1930 году Сергей Малов предпринял попытку уточнить хронологию кодекса. Он согласился с А.Самойловичем, что языковой материал был собран еще до 1303 г. Он также проанализировал отсутствие арабского соответствия для декабря и расположение названий двух мусульманских месяцев рядом с маем. С.Малов указал на то, что обозначение „*curban bayram ay*“ из третьего столбца записано напротив *mugará*, а не рядом с предшествующим месяцем *dilghia*, когда мусульмане совершали жертвоприношение. Он предложил сместить обозначения в персидском столбце на одну строчку вниз, начиная с *regáb*. Тогда бы месяц *gimediclachel* сохранил свое место возле „*madius*“, обозначение *regeb* встало бы напротив „*junius*“, *mugará* теперь соответствовало бы „*december*“, а *curban bayram ay* из тюркского столбца было бы справедливо записано рядом с *dilghia*. В таком случае, данное соответствие мусульманских и христианских месяцев наблюдалось не в 1294 г., а в 1295 г. Тогда месяц сафар продолжался с 21 декабря 1294 г. по 19 января 1295 г., месяц мухаррем охватывал период с 10 декабря 1295 г. до 8 января 1296 г. Позже подобная корреляция была бы возможна только в 1325 г. (или даже 1324), то есть через несколько лет после 1303 г.

Другую часть своего исследования С.Малов посвятил куманским загадкам. Он сообщил об аналогичной неопубликованной работе В.Радлова, написанной в 1915 г., которую он использовал в своем анализе. С.Малов рассматривает почти все примеры, пропуская лишь те, перевод которых, по его мнению, достаточно ясен. Это побуждает Ю.Немета вновь заняться загадками, чтобы опровергнуть “исправления” В.Радлова и подтвердить собственные толкования более подходящей интерпретацией. Через некоторое время из печати выходит исследование этого материала турецкого ученого Абдюлькадира Инана.

Наряду с этими лингвистическими работами в период между двумя войнами появляется значительное исследование *Codex Cumanicus* Дмитрия Разовского, причем он впервые рассматривает этот источник в культурно-историческом контексте. В своем подробном анализе первой части он отмечает, что многие слова отражают духовные интересы, но гораздо более многочисленны понятия, связанные с торговлей. Здесь выделяются семантические группы, свидетельствующие об оседлом городском образе жизни, также обозначения, имеющие отношение к питанию, или названия растений, животных, птиц и даже насекомых. Д.Разовский перечислил большинство входящих в отдельные группы лексем вместе с соответствующими латинскими обозначениями, исправил некоторые из них согласно предложениям Э.Тецы, в примечаниях дал дополнительные примеры, сообщил о чтениях Г.Куна и В.Радлова, привел свои наблюдения о возможном наличии особых групп слов, “упущенных при переписывании”. В отличие от В.Банга русский историк полагал, что небрежность записывания и многочисленные ошибки указывают не на автора, а на переписчиков кодекса. Кроме того, сам языковой материал и его расположение свидетельствуют о постепенном сборе. Некоторые группы сначала, вероятно, составлялись в алфавитном порядке, впоследствии их расширяли словами, не учитывая эту последовательность, пока они не приняли свой теперешний вид. Отдельные латинские глоссы остались не переведенными, их, возможно, вписали позже. Принимаем во внимание предложенную А.Самойловичем датировку итальянской части 1294 г., Д.Разовский пришел к выводу, что сохранившаяся рукопись является копией более старого оригинала XIII в. Первоначальный текст появился не сразу, а “в ходе ряда следующих друг за другом дополнений”, пока в 1303 г. не сделали копию. Очевидно, кодекс создавали для практического применения. Его составителей интересовали только определенные, им необходимые обозначения, причем материал обоих восточных языков подчинен латинскому столбцу. В отношении авторства Д.Разовский критикует соперничающие между собой тезисы, общая ошибка которых заключается в том, что памятник приписывается или руке торговца, или миссионера.

Назначение кодекса было гораздо шире, по мнению Д.Разовского, он служил “словарем для целой итальянской колонии”, возникшей в “месте постоянных контактов с персидским и половецким элементом”. Скорее всего, это был крупный торговый центр с населением, пестрым по своему этническому составу. Наличие персидского столбца, и именно на первом месте, означало, что в городе наряду с итальянцами находились также персидские торговцы и ремесленники. Так как в итальянских колониях на побережье (Каффа и Тана) не осталось и следа персидского присутствия, а дальше на восток во второй половине XIII в. еще не образовалось никаких итальянских колоний, существовавших долгое время, это место следует, вероятно, искать в Крыму западнее. Как раз там, в старой столице Солхат (Эски Крым), Д.Разовский нашел возможное место создания *Codex Cumanicus*. В XIII в. Солхат был резиденцией наместника татарского хана. Он, связанный торговыми караванами с Хорасаном и посредством Каффы и Судак с Турцией, Византией, Сирией, Южной Европой и Италией, являлся одним из процветающих городов региона. Локализация кодекса в Солхате означает, что там во второй половине XIII в. сложилась итальянская колония, жители которой имели собственные дома, школы, врачей, учителей, священников, военную охрану и ремесленников. Сосуществование с местным населением обуславливает необходимость изучения языка, итальянские врачи и священники также, возможно, осуществляли среди него свою деятельность.

Со временем все больше исследователей пришло к убеждению, что точный анализ кодекса немаловажно без сагой рукописи, или без внушающих доверие фотокопий, с помощью чего можно было бы также исправить ошибки и пропуски в издании Г.Куна. Еще В.Банг, понимая это, давал в своих работах факсимиле рассматриваемого материала, в то время как П.Пельйо в своей рецензии на новаторское произведение о куманах Дж.Маркварта писал о необходимости факсимильного переиздания всего кодекса. Гораздо позже Ю.Немет сообщил о фотографии памятника, изготовленной по заказу Эмиля Якубовича: “она была отличного качества, гораздо лучше всех остальных, но она пропала”⁸. Благодаря усилиям датского тюрколога Каре Грэнбега в 1936 г. появилась также первая репродукция кодекса. Именно она в течение долгих лет оставалась ценным источником для исследований в данной области. В 1942 г. К.Грэнбег дополнил это издание своим “Куманским словарем”, представлявшим собой первую относительно полную фонетическую, лексическую и грамматическую интерпретацию тюркского материала кодекса. Автор дал науке чрезвычайно полезное справочное издание, используемое во всех последующих лингвистических исследованиях в этой области. К.Грэнбег впервые показал, что тюркский язык памятника не однороден, имеет значительные отклонения (например, *astlan* и *arslan*; *cqša-* и *ovša-*; *kendi* и *kensi*), что означает, что в обеих частях манускрипта, по всей вероятности, записаны разные куманские диалекты.

В военные годы было опубликовано одно из самых полных исследований по истории кодекса, библиографический раритет из-за ограниченного тиража научной серии. Дьёрди Дьёрфи впервые сделал системный анализ как содержания, так и внешних признаков рукописи, а также исторических условий, при которых могли составить кодекс в сохранившемся варианте. Венгерский ученый лично исследовал страницы манускрипта, обращая внимание на качество бумаги и водяные знаки. Он подтвердил мнение Э.Тецы, что первоначально кодекс состоял из трех тетрадей, позднее их соединили в одну книгу. Первые две, “итальянская” часть, имели одинаковые размеры и одни и те же филигранные знаки. Они были написаны на бумаге формата „Realle“, появившейся сначала в Северной Италии в 1310 г. На бумаге сохранились фрагменты водяного знака (два скрещенных коротких меча), используемого примерно с 1328 по 1332 г. Следовательно, манускрипт является копией более старого оригинала, сделанной только после 1330 г. Д.Дьёрфи

⁸ Смотри рецензию Ю.Немета на работу А.Титце в *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, 1971. 15. p. 314-317.

предположил, что ее изготовили в 1330–40-е гг. и что это более поздняя, возможно вторая копия, причем текст списали дословно вместе с неизменной датой. Место ее изготовления находится где-то в нижнем течении Волги, так как кодекс содержит также слово, записанное уйгуртским письмом, которым в то время пользовалась монгольская администрация. Личность и происхождение писавшего выяснить не удалось, так как он не оставил никаких существенных следов. Предшествовавшую копию с датой 11 июля 1303 г., вероятно, сделал итальянский монах в монастыре Святого Иоанна под Сараем, возможно во время своей работы также объявивший *invocatio „Ad honorem Die et B[e]at[i] Jo[hann]is euangeliste“*. Сам прототекст, для которого переводчик надиктовал персидские и куманские слова, мог появиться в 1294–1295 гг. в крымском Солхате как языковой справочник для нужд итальянских колонистов. Уже в конце XIII в. они основали там церковь, чем объясняется наличие в глоссарии религиозных понятий. Таким образом, Солхат был местом создания оригинала, начатого в 1294 г., с которого в 1303 г. в монастыре Святого Иоанна недалеко от Сарая сделали копию, переписанную где-то на юге России вскоре после 1330 г. Третья тетрадь кодекса, его “немецкая” часть, сначала была гораздо шире, но при переплете ее обрезали, причем на некоторых страницах повредили записи. В ней имеются также три других водяных знака, два из них можно приблизительно датировать. Исходя из этого, Д.Дьёрфи предположил, что эту часть написали францисканские миссионеры в 1340–1356 гг. Они осуществляли свою деятельность в монастырях на юге России. Там они записали избранные религиозные тексты, переведенные на куманский язык, и куманско-немецкий глоссарий. Примерно в это же время к ним попали обе первые тетради, составившие “итальянскую” часть кодекса. Немецкие монахи сделали в них много исправлений и дополнений и заполнили незаполненные места словами, примечаниями по грамматике и куманскими загадками. Затем они соединили обе книги в один том. Через некоторое время кодекс снова попал к итальянским купцам, а с ними во второй половине XIV в. в Венецию. Работа Д.Дьёрфи продвинула изучение кодекса на один шаг вперед. Его аргументацию по истории создания манускрипта приняли во внимание А.Габайн и Л.Базен и повторное исследование бумаги и водяных знаков, предпринятое позже Д.Дрюлем, в сущности, подтвердило выводы венгерского ученого.

После Второй мировой войны, в 1949 г. из печати вышла заметка Ананиаша Зайчковского о чтении слова *talašman* в христианском тексте кодекса, которое он сравнил с польским *talaszman* “мусульманский проповедник”. С этой интерпретацией согласился О.Прицак, однако В.Дримба ее отверг и перевел *talašman* как “борец” (*querelleur* или *lutteur*). Позже М.Молова попыталась объединить оба толкования, предположив, что в религиозном тексте слово могло иметь также переносное значение, а именно “тот, кто ревностно проповедует свою религию”. Но должно было пройти целое десятилетие, прежде чем Аннемари фон Габайн в первом томе „*Philologiae Turcicae Fundamenta*“ опубликовала обобщающий очерк о тюркском языке кодекса. В нем она объясняет орфографические различия в записях обеих частей манускрипта как субъективными предпосылками (каждый писавший часто сомневался при выборе буквы и пытался транскрибировать слова чужого наречия согласно своему собственному произношению), так и обстоятельством наличия в кодексе двух или даже трех различных диалектов (если учесть языковые особенности загадок). Язык назван “куманским” (*comanicum, chomanische*) только в латинских записях первой части; в тюркском тексте второй части он обозначен как “татарский” (*tatarče* или *tatar til*). Так как зафиксированный языковой материал показывает много общего с кипчакскими языками (прежде всего с казанско-татарским и караимским), А.Габайн предпочла собственное определение “древнетатарский”. Тем самым она отстаивала его место среди “северо-западных” тюркских языков (в противовес убеждениям В.Банга) и представила новую интерпретацию, позже поддержанную другими исследователями. Во втором томе „*Fundamenta*“ в 1965 г. ученица В.Банга рассмотрела значение кодекса для

“куманской литературы”. История его написания объясняла, почему он содержит элементы иранской культуры. Благодаря контактам итальянских купцов из Крыма в Хорасане в текст также вошли арабские и доисламские обозначения. А.Габайн предположила, что грамматические списки и глоссарий итальянец составил с помощью иранского переводчика. Исправления, сделанные немецкими миссионерами, относились не столько к ошибкам, сколько к диалектальным особенностям, что свидетельствует о существовании куманских языковых вариантов в Крыму и на Волге. Однозначно не тюркский порядок слов в прозаических текстах религиозного содержания показал, что их переводы слово в слово осуществлялись с помощью переводчика. А.Габайн особо выделила загадки как особый литературный жанр и привела три из них для иллюстрации своих выводов. Жемчужиной кодекса являются шесть переведенных из латыни стихотворений, некоторые из них, действительно, принадлежат к лучшим образцам свободного перевода. Они, до определенной степени, отличаются от латинских оригиналов и представляют собой самостоятельные произведения. В некоторых случаях, например, “Гимн в честь Святого Креста”, поэтическое произведение совершенно, имеет тюркский стиль и точный выбор слов, что, несомненно, указывает на существование старой литературной традиции. “Этот куманский гимн, обладающий художественной формой и глубоким содержанием, – не банальный перевод, а самостоятельное произведение,” – заметила А.Габайн и сделала вывод, что куманы занимались искусством стихосложения.

Примерно в это же время Андреас Титце подчеркнул крайнюю важность для интерпретации куманских загадок их сравнение с подобными образцами народного литературного творчества других тюркских народов. Еще А.Самойлович писал о необходимости сравнения фольклора при таких исследованиях текста, чему отчасти следовал С.Малов. А.Титце использовал этот метод через несколько лет в своей монографии о куманских загадках и тюркском фольклоре. Сравнение загадок из разных, часто удаленных регионов обнаруживает удивительно точные аналогии. При этом определенные виды загадок встречаются почти во всех диалектах. Некоторые из них в свою очередь состоят из подтипов с определенным ареалом распространения, или тип, развитый в одном регионе, проник также в соседние. Такая широкая диффузия свидетельствует о долговечности традиции. Ее единственным материальным проявлением являются тексты из *Codex Cumanicus*. Куманские загадки, таким образом, представляют собой ранние варианты общего фольклорного наследия тюркских народов – на основании этого положения их исследовал А.Титце. Он привел их в тексте вместе со всеми предложенными интерпретациями и собственным переводом, при этом привлек аналогии из других тюркских языков, даже параллели из монгольского, греческого, персидского и тибетского. Это позволило ему отделить ядро каждого типа загадок от их измененных вариантов, с помощью чего он также смог объяснить три, до тех пор непонятных загадки.

Его глубокое исследование послужило стимулом для других ученых, занявшихся этими чрезвычайно сложными для интерпретации записями кодекса. Еще в том же году, когда А.Титце изложил свои мысли о перспективах сравнительного метода для изучения фольклора, Абжан Курышжанов опубликовал статью о куманских загадках, продолжая начатое в 50-е годы XX века в Казахстане изучение куманского языка. Чуть позже Хунджи Махмутов, подобно А.Титце, сравнил куманские загадки с их татарскими соответствиями. Свой вклад в изучение в этой области также внес выдающийся русский тюрколог Николай Баскаков. За пределами бывшего Советского Союза, начиная с 1970-х годов, данной проблематикой занимались известный румынский исследователь кодекса Владимир Дримба и другие коллеги, в том числе Мефкюре Молова, Ингеборг Балдауф.

Во второй половине XX в., впервые после О.Блау и К.Залемана, предметом более тщательного рассмотрения стал персидский материал кодекса. Еще в 1962 г. А.Курышжанов проанализировал арабские и персидские заимствования в куманском языке

и заметил, что большинство персидских терминов записаны в латинском и куманском столбцах без перевода. Возможно, это объясняется социальной и экономической ролью персов на куманской территории и в итальянской колонии в Крыму. От них в куманский язык попал целый ряд арабских элементов. Некоторые из этих заимствований считались профессиональными терминами, поэтому их механически записывали в куманском столбце как непереводаемые слова. Арабские и персидские элементы заимствовались постепенно в течение столетий, некоторые из них уже адаптировали к тюркским фонетическим законам, в то время как другие сохранили свою специфику как "новые заимствования". Автор рассмотрел их фонетические особенности, распределил их по тематическим группам, пока не собрал все арабские и персидские заимствования в отдельный словарь.

Через несколько лет Давуд Монхи-Заде издал первое системное исследование персидских глосс кодекса. Он занимался языковыми характеристиками, происхождением и предварительным определением материала, изучил персидский вокабуляр, дал список иранизмов в куманских лексемах, сделал некоторые дополнения и вставил пропущенные слова, реконструировал арабским письмом весь персидский глоссарий. По его мнению, персидские глоссы сообщили итальянским составителям куманы, так как фонетические особенности материала до определенной степени отражают законы куманского языка. Некоторые лексемы он отнес к персидскому диалекту на Кавказе и подчеркнул, что куманы, возможно, знали персидский не только в его хорасанской традиции, но и как народный язык в каспийских провинциях от Баку до Мазендерана или через торговцев и мулл из этих регионов.

В том же 1969 г. Андреас Бодроглигети опубликовал предварительные замечания к изданию персидского языкового материала из *Codex Cumanicus*, которое вышло из печати в 1971 г. В этой работе он проанализировал орфографию, морфологию, синтаксис, словообразование и лексикологию персидских глосс и представил их все в словаре. При реконструкции языковых форм он придерживался записанных образцов, сделал ее с помощью латинской транскрипции, а не арабских и персидских знаков как Д. Монхи-Заде. А. Бодроглигети с ним соглашался в том, что для информантов иранских терминов персидский был не родным языком. В их фонетике и грамматике он обнаружил тюркские и арабские влияния, как и черты курдского наречия, что ему позволило говорить о возможном курдском происхождении персидских данных.

Монографии обоих иранистов создали хорошую основу для некоторых последующих исследований. Их привлекал как В. Дримба при интерпретации различных слов, так и М. Молова в своей работе о персидском языке куманов и значении некоторых букв в *Codex Cumanicus*.

Одновременно продолжалось изучение данных календаря памятника, причем внимание фокусировалось на тюркских терминах. Еще Т. Ковальски (1930 г.) и К. Грэнберг (1942 г.) занимались вопросами, связанными с куманским календарем, в то время как В. Дримба (1973 г.) цитировал тюркские названия месяцев кодекса как примеры конструкции „Isafet“. Однако, попытка полностью восстановить систему летоисчисления у куманов принадлежала Луи Базену, посвятившему данной проблеме главу своей диссертации (конец 1972 г.). Он подчеркнул, что кодекс сохраняет архаичную тюркскую систему "четырёх времен года", где выделяются группы по три месяца (начальный, средний и завершающий месяц) с обозначениями для весны (*yāz*), лета (*yāy*), осени (*kūz*) и зимы (*kīš*). Нарушенную последовательность Л. Базен объяснил ошибкой переписчика. Так, в куманском столбце после месяца, соответствовавшего маю (*saḡu yāz āy* 'последний весенний месяц'), в качестве обозначений июня, июля и августа указаны осенние месяцы (*kūz āy*, *orta kūz āy* и *saḡ kūz āy*), после них зимние (*kīš āy* и *orta kīš āy*), записанные напротив сентября и октября. Эти противоречия возникли, вероятно, из-за перепутанных обозначений *yāz*

и *yāu*, то есть “последнего весеннего месяца” (*soŋu yāz āy*) с “последним летним месяцем” (*soŋu yāu āy*). После ошибки переписчик продолжал перечисление и перешел непосредственно к осеннему сезону. Часть названий месяцев связано с исламской традицией: *safar āy* (январь), *kurbān bayrām āy* (ноябрь, который соответствовал *diilghia*) и *azuk āy* (декабрь), согласно Т.Ковальскому *āšūr āy* („месяц 'Ašūrā“, то есть *мухаррем*). Исламские влияния прослеживаются также в обозначениях *sövänc āy* (февраль или „месяц радости“; он соответствовал месяцу *раби аль-авваль*, на двадцатый день которого праздновалось рождение пророка, *Mawlūd*) *föb[a] āy* (апрель или „месяц покаяния“, он соответствовал месяцу *джумада аль-авваль*, первому из двух, когда набожные мусульмане каясь готовятся к следующему священному периоду). Таким образом, в *Codex Cumanicus* наблюдаются следы ассимиляции тюркских лунных месяцев с мусульманским календарем, что означает частичную исламизацию куманов уже в конце XIII века. Четкая дифференциация обеих групп обозначений позволила Л.Базену сделать вывод, что в словаре первоначально компилировали названия лунных месяцев куманов, исповедовавших ислам (с ноября 1293 г. по апрель 1294 г.), после чего перешли на месяцы из календаря “куманов язычников” или куманов, крестившихся по христианскому обряду (с мая 1294 г. по январь или февраль 1295 г.). При переходе из одной системы в другую, под мусульманскими месяцами поставили первый тюркский месяц *il[k] yāz āy* (“первый месяц весны”), заключавший в себе день весеннего равноденствия и, следовательно, начало нового года (*Nawrūz*). Л.Базен попытался реконструировать оригинальную запись и получил список из 16 месяцев, охватывающих период с 1293 по 1295 гг. По его мнению, куманы сохранили архаичный тюркский календарь, который “своей простотой ... полностью удовлетворял общество пастухов-кочевников”.

Монография Л.Базена представила данные кодекса в новом свете. Хотя его реконструкции имели гипотетический характер, данную работу можно причислить к лучшим исследованиям в области тюркской хронологии. Только по прошествии более десяти лет, когда накопилось достаточно публикаций с дополнительными сведениями о кодексе, М.Молова предприняла до сих пор последнюю попытку разгадать загадку куманского календаря. Она вновь проанализировала названия месяцев и предложила для семи из них другое толкование. Вопреки всем предшественникам она интерпретировала, например, название весеннего месяца *ylīas ay* как „месяц *līas*“, начинавшийся в середине марта и длившийся до первой половины апреля. Слово *ilyas*, как полагала ученая, здесь не имеет ничего общего с *il[k] yaz* ‘первая весна’, а должно ассоциироваться с *līyas* из *Hodor līyas* или *Hodrellez* (днем Святого Дмитрия, отмечающимся 23 апреля, соответственно 6 мая). Также в обозначении *songusax ay* ‘последний весенний месяц’ она прочла *saz* ‘красивый’ вместо *yaz* и трактовала значение как “последний месяц прекрасного времени года”. Слово *suz* М.Молова интерпретировала как *kūz* ‘выгон, пастбище’, а не как *kūz* ‘осень’, следовательно, тюркские соответствия июню, июлю и августу стали “месяцами выгона скота на пастбище”. Обозначения сентября и октября объяснялись с помощью *qoš* ‘лагерь, баран’ (не *qīš* ‘зима’) как месяцы „стоянки лагерем (desampement)” или „спаривания (d’accouplement)”. М.Молова реконструировала календарь, таким образом, основываясь на тех же принципах, что и Л.Базен, но используя другие исходные обозначения (*saz*, *kūz*, *qoš*, **qīš* вместо *yaz*, *yay*, *kūz*, *kiš*). Он насчитывал 12 месяцев, начиная с весны, с **saz ay* (III) по **soŋu u qīš ay* (II). Отталкиваясь от названия *sövänc ay* (февраль), которое в караимском означало март (*süvänc ay*), исследовательница предположила, что составление списка пришлось на время, когда куманские лунные месяцы начинались в середине или в конце соответствующих им солнечных. Для этого лучше всего подходят 691 год хиджры (1291-92 гг.) или 725 год хиджры (1324-25 гг.). Вероятно, именно тогда (возможно, во второй половине мая) были записаны календарные обозначения, из чего следует вывод, что оригинал первой части кодекса написан в 1291/2 г. или 1324/5 г.

Целый ряд публикаций посвящен языковым данным памятника, и их изучение помогло прояснению многих других вопросов. Так, например, в 1962 г. Луис (Лойош) Лигети проанализировал глоссы **tengizich* („auster“) и **beči el* („huffe hauz“), которые прежде ошибочно сравнивали с именем сына Атилы *Dengizich* и с венгерским названием Вены *Pécs*. В 1965-1966 гг. в этой области дебютировал Владимир Дримба с двумя этимологическими исследованиями. В 1968 г. вышла его работа о фрагменте стихотворного текста проповеди, поэтический характер которого остался незамеченным предыдущими исследователями. Интерес румынского тюрколога к куманскому языковому материалу возрос в 1970-80-е годы. К этому времени относится большая часть его трудов. Среди них исследование некоторых глосс кодекса, его монография о куманском синтаксисе, работа о девяти куманских обозначениях, представленных с помощью их немецких соответствий, интерпретация других четырех лексем, перевод которых в тексте не указан или соответствующие немецкие глоссы пропали из-за повреждения бумаги. Особое место занимает серия „Miscellanea Cumanica“, В.Дримба работал над ней в течение трех десятилетий. Целью проекта было новое издание кодекса, о чем автор объявил еще в 1970 г. В него должны были войти полная транскрипция манускрипта и максимально приближенная к оригиналу репродукция, передающая все особенности (включая ошибки) графики, орфографии и пунктуации с четкой дифференциацией принадлежавших автору и считавшихся более поздними исправлениями. Кроме того, издание содержало бы факсимиле и словарь всех глосс. Его критический и сравнительный характер обуславливал бы наличие всех форм с их вариантами и синонимами, основ слов и производных от них, соответствующих параллелей из кипчакских и других тюркских языков, ссылок на работы, где авторы объясняют форму, значение и этимологию отдельных слов. В ходе подготовки такого издания решались многие дополнительные проблемы, связанные, прежде всего, с интерпретацией многочисленных отрывков текста. В.Дримба объединил значительные исследования в серии конкретных работ. В том же 1970 г. из печати вышли первые две части „Miscellanea“. Они еще не имели собственного подзаголовка. Возможно, это служило признаком того, что автор еще не представлял размеров планируемого проекта. Позже, в 1980-90-е годы, В.Дримба сохранил название серии для всех критических замечаний, анализов слов и отрывков текста, интерпретаций загадок и т.д., ставших неотъемлемой частью издания с идентичным воспроизведением документа 2000 года. За точность результатов исследования и большую продуктивность В.Дримбу, по праву, считают одним из лучших знатоков тюркского языкового материала *Codex Cumanicus*.

Среди лингвистических исследований данного источника необходимо также упомянуть работы М.Моловой. Еще в начале 1980-х годов она попыталась дать новое толкование некоторых загадок, что побудило В.Дримбу вновь обратиться к данной теме. Позже автор выдвинула тезис, что обращение куманов в христианство католическими священниками, очевидно, сопровождалось выпадами против язычества и другой соперничавшей религии – вероятно, ислама. Обоснование этого она нашла в некоторых фрагментах кодекса, содержащих лексемы *topraq* и *talašman*. В первом случае М.Молова увидела не просто „землю“, а землю под ногами как „обожествленный, духовный объект“, что куманы язычники называли *Teçri* ‘бог’ и что в определенном смысле соответствовало древнетюркскому *Yer-Sub* ‘земля-вода’. Когда слово *Teçri* стало обозначением христианского (и мусульманского) бога, в своем прежнем значении его заменили на *topraq*, которое пасторы использовали с презрительным оттенком. Второе слово *talašman*, интерпретируемое как “тот, кто ревностно проповедует свою религию”, позволило автору предположить, что в XIV в. существовала жесткая конкуренция между христианскими и исламскими проповедниками среди язычников куманов. В последующие годы М.Молова продолжила изучение содержания памятника в различных аспектах. Одновременно с интерпретацией календаря она опубликовала статью об одном из гимнов кодекса. Автор проанализировала

персидский фонетический материал, уточнила отдельные тюркские глоссы. Ее вклад в изучение кодекса, видимо, заключается в определении многих тюркских обозначений, связанных с шаманством и с буддийской, несторианской, манихейской традициями в Средней Азии. Еще в 1990 г. она писала о следах буддийских влияний в куманском обществе. Аргументы она нашла как в некоторых загадках, так и в так называемом "куманско-немецком глоссарии", и даже в религиозных текстах, где сразу после "десяти заповедей Господних" (возможно, несторианского происхождения) записаны также "восемь буддийских запретов". В материале, представляющем собой сравнение тюркских и немецких, тюркских и латинских слов и рассматриваемом до тех пор как отдельные лексикографические единицы, М.Молова выделила фразы, части которых записаны друг под другом. Она полагала, что в кодексе можно обнаружить религиозные понятия, сложившиеся в Средней Азии (например, *suzuk su* 'чистая вода') и, следовательно, подобные записи могли бы быть рекопией буддийских текстов. Обобщая особенности куманского языка, М.Молова показала черты восточно-тюркского литературного языка. Она сделала вывод о принадлежности текстов рукописи не только к христианской, но и к другим религиям. Каждый религиозный термин в них требует особого понимания. Через три года М.Молова объяснила ход своих рассуждений и действий. Целые фразы и предложения в куманско-немецком глоссарии легко распознать, если записать слова в строки. Она проиллюстрировала свои наблюдения таким реконструированным текстом. Следы шаманства, буддизма, ламаизма, несторианского христианства, манихейства и ислама она искала не только в восстановленном ею материале, но и в религиозных христианских текстах, и даже в первой части кодекса. И хотя некоторые из ее тезисов спорны, это не умаляет ее заслугу в открытии новой проблематики в изучении *Codex Cumanicus*.

Особое значение имеют, однако, опубликованные в 1980-90-е годы комплексные исследования памятника, еще больше раскрывающие его характер как ценного исторического и лингвистического источника. Прежде всего, необходимо назвать труд Дагмары Дрюль, защитившей в 1979 г. в университете Рур г. Бохум диссертацию под руководством Ганса-Вильгельма Гаусига. Молодая ученая попыталась пролить свет на историю создания и назначение кодекса. Прежде чем перейти к собственному исследованию, она проанализировала имеющиеся работы о датировке, месте написания и авторе рукописи и сравнила отдельные мнения. Д.Дрюль присоединилась к результатам А.Самойловича и С.Малова в области хронологии, но пришла к выводу, что оригинал первой части относится к 1292–1295 гг. Дата 11 июля 1303 г. обозначает начало изготовления копии глоссария. Чтобы установить время рукописи, дошедшей до нас, Д.Дрюль перепроверила данные Д.Дьёрфи и провела собственное исследование. Результаты подтвердили выводы венгерского ученого. Обе части кодекса соединили в первой половине XVIII в., когда примерно в 1741 г. известный экземпляр снабдили обложкой. Исследование бумаги показало, что для первых двух тетрадей использовался формат „Realle“, для третьей тетради формат „Reçute“, применявшиеся в Италии с 1310 г. Анализ водяных знаков, со своей стороны, привел к датировке примерно 1330 г. Исходя из этого исследовательница пришла к выводу, что сохранившийся вариант мог появиться только в середине XIV века. Для локализации места создания трехязычного глоссария Д.Дрюль занялась изучением значения торговых отношений Италии с Золотой Ордой и государством Ильханов, а также хронологией итальянской колонизации Северного Причерноморья. Она отвергла венецианские Тану и Солдайю, как и генуэзскую колонию в Солхате и сконцентрировала свое внимание на Каффе, первой генуэзской колонии в Крыму. Оттуда европейцы могли поддерживать тесные экономические связи с Трапезундом и дальше, благодаря караванным путям, с Таврисом, столицей Ильханов. Этим прямым сообщением, возможно, объясняется интерес автора трехязычного глоссария к

персидскому языку. Так как ко времени его написания генуэзцы имели политические и торговые отношения и с Ильханами, и с Золотой Ордой, вероятно, глоссарий был создан в Каффе. В нем преобладают торговые понятия и названия товаров. Д.Дрюль проанализировала этот материал с учетом торговых связей Средней Азии с Таной и Каффы с Таврисом, пытаясь понять, следует ли искать автора трехязычного глоссария среди купцов. Иначе обстоит дело с куманско-немецким глоссарием, который она считала оригиналом. Д.Дрюль сосредоточилась на немецком языковом материале и установила, что в написании второй части участвовало примерно 16 человек. Они были монахами из области распространения восточно-среднегерманского диалекта, занимавшимися христианизацией куманов. Возможно, они добились успеха среди пленных, проданных монголами как рабы. Христианские купцы тогда были обязаны освобождать вновь обращенных, которые потом часто оставались у них домашними слугами. Таким тесным сотрудничеством миссионеров и торговцев Д.Дрюль объясняла наличие в кодексе таких разных частей. Для одного из последних его владельцев – предположительно, купца, привезшего кодекс в Италию – в генуэзских нотариальных делах она нашла имена троих возможных родственников.

Во второй половине XX в. издание Г.Куна давно уже стало библиографическим раритетом. А.Курышжанов (1964 г.), а затем В.Дримба (1970 г.) предложили переиздать памятник согласно требованиям современной науки. Осуществление проекта затянулось из-за непредвиденных сложностей, поэтому сделанный в 1981 г. репринт издания Г.Куна пользовался большой популярностью. Введение, написанное Л.Лигети и вышедшее также отдельно, содержит ценные наблюдения о составлении, содержании и назначении кодекса. Л.Лигети привел дополнительные сведения о политических и торговых отношениях итальянских колонистов в регионе и рассмотрел письменные соглашения, заключенные венецианцами и генуэзцами с представителями Золотой Орды. Двухязычные документы содержали оригинальный тюркский текст и латинский перевод, в некоторых случаях с куманского (*de Cumanico in Latinum*). Л.Лигети не сомневался, что этот куманский язык тождественен языку первой части кодекса. Это указывает на его использование итальянцами как в торговых целях, так и при политических контактах. Обе части *Codex Cumanicus* написаны по подробным, но и отличающимся образцам. Они предназначались для людей, великолепно владевших латынью и изучавших восточные языки. Такие словари на арабской основе в эпоху монголов составляли для тюркского, персидского, армянского и других языков и их материал тоже скомпонован в колонках, однако вряд ли авторы кодекса использовали их в качестве образцов для своей компиляции. То, что тексты копировали или диктовали, наглядно показывают многочисленные ошибки. Л.Лигети привел примеры ошибок, сделанных при переписывании и соответственно под диктовку. Он также высказал свои соображения о характеристике и особенностях куманского, персидского, латинского и немецкого языкового материала и о переводчике персидского (возможно, мусульманине). Вторую часть кодекса миссионеры написали, скорее всего, еще до того, как к ним попали первые две тетради. Однако третьей тетради могла предшествовать не сохранившаяся францисканская первая тетрадь. Вторая часть начинается “нейтральным” текстом (куманские загадки) и этот материал, полностью отличающийся от всего остального, навел Л.Лигети на мысль, что первые две страницы являются не началом, а скорее продолжением более ранней, утерянной тетради похожего содержания. С другой стороны, большинство немецких глосс записано в начале и в конце второй части, а именно на первоначально незаполненных страницах. Это означает, что авторство лишь 10 из 50 страниц, несомненно, принадлежит немецким монахам. Все остальное, включая религиозные тексты, написано францисканскими братьями, представителями разных наций. Следовательно, можно выделить три, а не две категории: 1) итальянские колонисты; 2) францисканские монахи, владевшие латынью; 3) немцы по

происхождению, как представители клироса, так и не являвшиеся таковыми. В заключение Л.Лигети обобщил результаты исследования. Первая часть кодекса, названная "книгой переводчика" (Interpreter's Book), написана неизвестным автором на основании более ранних источников примерно в середине XIII в. в одной из итальянских колоний для канцелярских нужд. Ее неоднократно копировали, причем дата 11 июля 1303 г. на известном экземпляре обозначает день начала или окончания переписывания. Сохранившуюся копию сделали во францисканском монастыре (вероятно, Святого Иоанна) приблизительно в 1330 г. От оригинального содержания "предшественника" второй части сохранились только куманские загадки, которыми начинается третья тетрадь. За ними следовали религиозные тексты, используемые в целях христианизации. По всей вероятности, написанная в 1340-1356 гг. "книга миссионеров" (Missionaries' Book) происходит из другого (не идентифицированного) монастыря, где персидский не был востребован, и говорили на другом куманском наречии. Позже книга попала в третий монастырь к немецким братьям, получившим также "книгу переводчика" и заполнившим свободные места обоих произведений немецкими и латинскими глоссами. В конце концов, три тетради вновь оказались в руках итальянцев – после 1356 г. в собственности генуэзца Антонио ди Финале и затем во владении города Венеции.

В том же году, когда Л.Лигети опубликовал „Prolegomena“, вышла работа В.Дримбы, в которой в новом свете представляется история создания кодекса. Румынский ученый обратился к записям бывшего директора *Bibliotheca Marciana*, Пьетро Цорцанелло, намеревавшегося в 1949 г. вновь проанализировать рукопись. По его мнению, дату в начале кодекса следует читать не МСССIII, а МСССXXX, то есть 1330 г. Здесь цифра десять написана очень редкой разновидностью средневекового лигурийского письма, где XX передает знак *l*, а XXX – *m*. Эта дата поддерживает исследование Д.Дьёрфи и является новым аргументом в пользу генуэзского происхождения памятника. В.Дримба подтвердил чтение 1330 г. фотокопиями документов, в датировке которых прослеживается аналогичный способ написания. Следовательно, отпадает дата 1303 г., а вместе с ней выдвинутая в ходе дискуссии об истории памятника гипотеза о существовании промежуточной копии. Он полагал, что дошедшая до нас "итальянская" часть, очевидно, представляет собой "первую и единственную копию" не сохранившегося оригинала. Так как промежуток между предполагаемой датой создания оригинала (1293 г.) и 1330 г. довольно велик, и переданные в тексте соответствия солнечных и лунных месяцев также повторялись в 1324/5 г., В.Дримба посчитал, что между 1325 г. (или 1324 г.) и 1330 г. было достаточно времени для написания оригинального текста, послужившего основой для копии 1330 года. Копию, работу над которой начали 11 июля 1330 г., могли закончить до конца того же года. Об этом свидетельствует ограниченный объем словаря и каллиграфия переписчика, работавшего, не делая больших перерывов. Оригинал 1324–25 года, вероятно, написали в Солхате, так как аргументы Д.Разовского в пользу этого города актуальны как для конца XIII в., так и для начала XIV в. Копия 1330 г., вероятно, происходит из монастыря Святого Иоанна близ Сарая, существование которого с 1313 по 1340 гг. точно установлено. Но также "немецкую" часть, датированную с помощью палеографических исследований 1340-50 гг., могли написать в этом же монастыре. Таким образом, промежуток между созданием обеих частей кодекса гораздо меньше, чем предполагали раньше. Это обстоятельство придает памятнику еще большую лингвистическую ценность, так как имеет особое значение для синхронического изучения куманского языка.

Статья В.Дримбы существенно изменила представления об истории *Codex Cumanicus* и послужила началом новой фазы его научного изучения. Основания для таких утверждений нам дают работы Ярослава Дашкевича, содержащие по многим ключевым вопросам иные интерпретации. Первая из них (1985 г.) посвящена проблемам создания памятника. Я.Дашкевич отказался от дезориентирующего названия кодекса, данного

Г.Куном. Последний проигнорировал иранскую колонку и не учел автохтонное обозначение языка (*tatar til*), что отразилось в этнолингвистическом характере исследований. На основании открытия П.Цорцанелло, он предложил подробную схему создания первой части: 1) черновики = *источники*, до 1324-1325 г.; 2) *протограф* = *оригинал* 1324-1325 г. → 3) *отредактированная копия* 1330 г. → 4) *дополненная копия* = *Codex Cumanicus I* после 1330 г. → 5) *дополнения*, внесенные в *Codex Cumanicus I* в 1330-1350 гг., к этому же времени относится написание второй части. По мнению Я.Дашкевича, "итальянскую" часть, очевидно, создали в Каффе. Вторая часть происходит также из Крыма, так как она даже в языке миссионеров содержит одновременно иберийско-кавказские и восточнославянские элементы. Трехязычный словарь не предназначался именно для торговцев или миссионеров, его скорее составили как справочник для переводчика. В его создании участвовали: *информант* → *автор (составитель)* → *редактор (переписчик)* → *те*, кто вносил в *Codex Cumanicus I* исправления и дополнения. В написании второй части, которая, в свою очередь появилась для фиксирования "полевых записей" и религиозных текстов миссионеров, напротив, задействованы только две группы участников: *информант* → *автор (фиксатор, составитель)*. Автором "итальянской" части, в представлении Я.Дашкевича, был обученный переводчик (генуэзец или кто-нибудь из среды купленных рабов), которого, возможно, звали Иоанном и который записал имя своего святого-заступника в *invocatio*. Он владел одним из восточных языков как своим родным, имел способности к изучению языков и знания о фонетической структуре тюркского языка, исходя из которых он разработал подходящую транскрипцию. Возможно, он также знал и арабские труды в области практической лингвистики, так как глоссарий больше походит на восточные, чем на западные лексикографические справочники. Я.Дашкевич считал большим преувеличением, что большое количество ошибок в кодексе своим появлением обязано небрежному переписыванию или низкой квалификации составителя. Эти "ошибки", возможно, объясняются также языковой интерференцией в мультиэтнических городах Северного Причерноморья, что осталось неучтенным при всех попытках расшифровать памятник с помощью "нормализованной" транскрипции обоих восточных языков. Как раз расшифровке текста Я.Дашкевич посвятил свою следующую работу. Он предположил, что произношение иранских и тюркских слов так, как они записаны, вероятно, соответствовало реальной артикуляции. Субъективная реконструкция "правильного" произношения тем самым ставит под сомнение лингвистическую достоверность памятника. Из-за отсутствия хорошего критического издания источника каждый исследователь предлагает свою собственную "нормализованную" ("стандартизованную", "реставрированную", "реконструированную") транскрипцию, что часто приводит к различиям в передаче одного и того же слова. В условиях возрастающей необходимости палеографически точного (канонического) воспроизведения текста и предполагая такое издание, Я.Дашкевич разрабатывает свою схему декодирования текста. В этой связи он поднимает многие нерешенные проблемы, в том числе касающиеся своеобразия языкового материала. В другой работе, 1988 г., он рассматривает сущность зафиксированного в кодексе тюркского языка (*tatar til, tatarçe*), который автором первой части был назван "куманским". Я.Дашкевич попытался устранить противоречие между обоими названиями, установив связь их семантики с историей куманов и татар в XIII-XIV вв., и решил, что куманский, собственно говоря, является неизвестным языком. В XIII в. под этим понимался язык тюрков евразийских степей. В XIV в. наряду с ним стали использовать обозначение "татарский" и этот дуализм отражается также в кодексе. Еще А.Габайн определила язык как "древнетатарский", позже А.Кононов писал о кодексе как о первом памятнике крымско-татарского языка. А.Дашкевич признал их точку зрения и полагал, что в *Codex Cumanicus* зафиксирована первая стадия развития крымско-татарского языка, который, очевидно, уже больше не был куманским.

Выводы украинского лингвиста, обоснованные большой последовательной аргументацией и хорошим знанием специальной литературы, до определенной степени изменили представление о сущности кодекса. Они являются вызовом давно сложившейся в изучении памятника традиции и ставят вопрос о переоценке по меньшей мере зафиксированного в нем языка. Остается только ждать, чтобы узнать, найдет ли проложенный им путь своих сторонников. До сих пор исследования кодекса не выходят за рамки обычного русла, что подтверждают публикации В.Дримбы, М.Моловой и другие исследования 1990-х годов. Одной из последних обобщающих работ в этой области стало исследование Петера Голдена (1992 г.), пожалуй, одного из лучших знатоков тюркских средневековых кочевников Евразии. Он занимался вопросами датировки, происхождения и языков кодекса, на которые он попытался ответить, привлекая результаты своих предшественников, прежде всего, Л.Лигети и Д.Дрюль. Однако среди них отсутствовали статья В.Дримбы, где он в 1981 г. поправил датировку первой части, как и работы Я.Дашкевича. Особенности орфографии (например, передача *š* с помощью *s*, *š*, *z*, *x*, *sch*) свидетельствуют, по мнению П.Голдена, как о нескольких "авторах", так и об отсутствии какой-либо попытки "сверить" текст. Тем самым ученый возражал против некоторых смелых предположений о точной передаче транскрибированных звуков (такого взгляда придерживается, например, М.Молова). Он описал содержание кодекса и привел многочисленные примеры, лучше объясняющие памятник. Работу завершает список арабско-кипчакских и русских источников, содержащих аналогичные материалу кодекса данные о раннекипчакском языке.

Если кратко резюмировать результаты свыше 150 конкретных публикаций об *Codex Cumanicus*, станет очевидным то, что интерес исследователей направлен главным образом на вопросы структуры, состава и содержания памятника, на его датировку и происхождение, его авторов и назначение, а также на проблему, является ли он оригиналом, копией или копией копии. При этом особое внимание уделяется религиозным текстам, куманским загадкам и календарю, и равным образом многочисленным языковым данным, подчеркивающим значение источника как в лингвистическом, так и в культурно-историческом плане.

Большую ценность для науки, конечно, представляет кодированный в нем тюркский язык (поздне-куманский?, древне-татарский?), распространенный в конце XIII и в первой половине XIV вв. в прибрежных областях южной России и в Крыму. Не меньшее значение имеют также персидские глоссы вместе с немецкими и латинскими языковыми данными, как и вошедшие в основные языки кодекса заимствования арабского, иранского, славянского, греческого и т.д. происхождения.

Со своей специальной терминологией и содержанием памятник важен и как исторический источник – как для истории культуры средневековых тюрок в Восточной Европе (здесь можно назвать сохранившиеся сведения об их календарной системе, народной культуре и религии и т.д.), так и для истории деятельности миссий католической церкви среди населения Золотой Орды (см. переведенные религиозные тексты), и, не в последнюю очередь, для истории торговли и экономических контактов Запада и Востока в этот сложный переходный период.

Изучение *Codex Cumanicus* продолжается. Поколения ученых, занимавшихся этим, обнаруживали все новые и новые детали, давали объяснения и выдвигали гипотезы, которые наряду с искомыми ответами вызывали дальнейшие вопросы. Это расширяет горизонт познания и является движущей силой историографии источника.

Перевод с немецкого Д.А.Шальги

БИБЛИОГРАФИЯ

- BALDAUF I., TEZCAN S. Zu einem Rätsel des Codex Cumanicus // RO. 1995. 49, 2. p. 37-51.
- BANG-KAUP W. Beiträge zur Erklärung des komanischen Marienhymnus (mit einem Nachwort von F.C.Andreas) // Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-historische Klasse. Berlin, 1910. p. 61-73 [Nachwort, p. 74-78].
- BANG W. Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus // BARB. 1911. № 1. p. 13-40.
- BANG W. Der komanische Mariensalter nebst seiner Quelle herausgegeben // Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Neue Folge. Berlin, 1914. Band XIII. № 1. p. 239-276 (= Bang W., Marquart J. Osttürkische Dialektstudien).
- BANG W. Die komanische Bearbeitung des Hymnus „A solis ortus cardine“ // Festschrift Vilhelm Thomsen zur Vollendung des siebenzigsten Lebensjahres am 25. Januar 1912 dargebracht von Freunden und Schülern. Leipzig, 1912. p. 39-43.
- BANG W. Komanische Texte // BARB. 1911. № 9-19. p. 454-473.
- BANG W. Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, Erster Brief: Hegemonius-Fragen. Κελεφός = kelepen des Codex Cumanicus. Eine unbekannte Quelle dieses Kodex // Ungarische Jahrbücher. 1925. 5. p. 41-48.
- BANG W. Ueber das komanische TEIZMAGA und Verwandtes // BARB. 1913. № 1. p. 16-20.
- BANG W. Über die Herkunft des Codex Cumanicus // *Sitzungsberichte der königlich-preußischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse.* Berlin. 1913. IX. p. 244-245.
- BANG W. Über die Rätsel des Codex Cumanicus // *Sitzungsberichte der königlich-preußischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse.* Berlin, 1912. p. 334-353.
- BANG W. Ueber einen Komanischen Kommunionshymnus // BARB. 1910. № 5. p. 230-239.
- BANG W. Zur Kritik des Codex Cumanicus. Louvain: Libr. Univ. des Trois Rois, 1910. 16 p.
- BAŞGÖZ I. Tietze A. The Koman Riddles..., 1966 // *Journal of American Folklore.* Philadelphia, 1968. 81, January-March, № 319. p. 368-371 [Rez.].
- BACKAKOV H.A. К критике Codex Cumanicus (Об одной из не разгаданных загадок) // *Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Németh.* Budapest, 1976. p.79-86.
- BAZIN L. Le calendrier des Comans // L.BAZIN. *Les calendriers turcs anciens et médiévaux.* Lille, 1974. p. 624-650 (chapitre IX).
- BAZIN L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest; Paris, 1991 (= *Bibliotheca Orientalis Hungarica.* 34).
 Рец.: ... // *Türk Dünyası Araştırmaları.* Ankara, 1993. 3. p. 318-319; Zieme P. // *Kratylos.* Wiesbaden, 1993. 38. p. 216-217; Kara G. // *AO Hung.* 1994. 47, 1-2. p. 201-206; Erdal M. // *Orientalistische Literaturzeitung.* Berlin, 1994. 89, 3. p. 300-309.
- BLAU O. Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen // *ZDMG.* 1876. 29. p. 556-587.
- BODROGLIGETI A. Preliminary notes on the edition of the Persian glosses of the Codex Cumanicus // *AO Hung.* 1969. 22. p. 353-360.
- BODROGLIGETI A. The Persian Vocabulari of the Codex Cumanicus. Budapest, 1971 (= *Bibliotheca Orientalis Hungarica.* 16).
 Рец.: Shaki M. // *Archív Orientální.* Praha, 1974. 42; Monchi-Zadeh D. // *Oriens.* Leiden, 1976. 25-26.
- ÇAĐATAY S. S. Codex Cumanicus'tan ilâhiler // *Türk Lehçeleri Örnekleri.* VIII. yüzyıldan XVIII. yüzyıla kadar yazı dili. Ankara, 1950. p.103-123 (см. также: Çadatay S. *Türk Lehçeleri üzerine Denemeler.* Ankara, 1978).
- ÇAĐATAY S. S. Codex Cumanicus Sözlüğü // *Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi.* Ankara, 1944. II, 5. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Primum ex integro edidit, prolegomenis, notis et compluribus glossariis instruxit Comes Géza KUUN. Budapestini, 1880. CXXXI + 395 pp.
 Рец.: Desimoni C. // *Archivo Storico Italiano.* Firenze, 1881. Serie IV, t. 8; Hunfalvy P. // *Értekezések a Magyar Tudományos Akademia Nyelv- és Széptudományok osztálya Köréből.* Budapest, 1881. IX, №5. p. 1-49; Hunfalvy P. // *Ungarische Revue.* Leipzig, 1881. 1; Дашкевич

- H. // Киевские университетские известия. 1882. № 4; Teza E. // Rendiconti della R. Accademia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Roma, 1891. Vol. VII, 1 Semestre, fasc. 8; Salaville S. // Échos d'Orient. Paris, 1911. 14; Mollova M. // Prilozi za Orientalnu Filologiju. Sarajevo, 1988. 37 (1987).
- Codex Cumanicus. Edited by Géza KUUN. With the Prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis LIGETI. [Edited by É. Apor]. Budapest, 1981. 54 + (2) + CXXXIV + 395 pp. (= Kőrösi Csoma Society - Library of the Hungarian Academy of Sciences; Budapest Oriental Reprints, Series B 1).
- Рец.: Drimba V. // RRL. 1983. 28. 5; Mollova M. // Prilozi za Orientalnu Filologiju. Sarajevo, 1988. 37 (1987).
- Codex Cumanicus, Cod. Marc. Lat. LXLIX. In Faksimile herausgegeben, mit einer Einleitung von Kaare GRØNBECH. Kopenhagen, 1936. 12 p. + 164 p. Faksimile (= Monumenta Linguarum Asiae Maioris. Editio K. Grønbech, I: Codex Cumanicus).
- ДАШКЕВИЧ Н. Codex Cumanicus..., 1880 // Киевские университетские известия. 1882. № 4. с. 147-151. [Рец.]
- ДАШКЕВИЧ Я. П. Codex Cumanicus – вопросы возникновения // Вопросы языкознания. М., 1985. № 4. с. 72-83.
- ДАШКЕВИЧ Я. П. Codex Cumanicus - вопросы декодирования // Вопросы языкознания. М., 1986. № 5. с. 79-86.
- ДАШКЕВИЧ Я. П. Codex Cumanicus – действительно ли Cumanicus? // Вопросы языкознания. М., 1988. № 2. с. 62-74.
- DESIMONI C. Codex Cumanicus..., 1880 // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1881. Serie IV, t. 8. p. 253-270. [Rez.]
- DOERFER G. Tietze A. The Koman Riddles..., 1966 // Fabula. 1970. 11. fasc. 1-2, p. 196-201. [Rez.]
- DRIMBA V. Codex Cumanicus..., 1981 // RRL. 1983. 28, 5. p. 459-460. [Rez.]
- DRIMBA V. Codex Cumanicus. Edition diplomatique avec Fac-similés. Bucarest: Editura Enciclopedica, 2000.
- DRIMBA V. Drull D. Der Codex Cumanicus..., 1979 // RRL. 1983. 28, 5. p. 457-459. [Rez.]
- DRIMBA V. Essai d'interprétation: de quelques mots comans non glossés du Codex Cumanicus // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1986. 76. p. 81-86.
- DRIMBA V. Etimologii cumane // Omagiu lui Alexandru Rosetti. București, 1965. p. 201-203.
- DRIMBA V. Le sermon en vers du Codex Cumanicus (fol. 59r, 8-12) // RRL. 1968. 13, 5. p. 407-412.
- DRIMBA V. Les devinettes comanes // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1990. 80. p. 79-102.
- DRIMBA V. L'hymne coman „Sañinsa-men bahasiz qanīni” // RO. 1993 (1994). 48, 2. p. 105-120.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (I) [Les ratures des feuillets 61r - 63v 26] // RRL. 1970. 15, 5. p. 455-459.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (II) [I. Sur deux mots du feuillet 80r, ligne 8; II. La graphie andi = andi] // RRL. 1970. 15, 6. p. 579-584.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (III). Notes de critique textuelle // RRL. 1971. 16, 4. p. 275-286.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (IV). À propos de quelques devinettes du Codex Cumanicus // RRL. 1972. 17, 1. p. 3-21.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (V). Mots attestés par des formes possessives // RO. 1976. 38. p. 111-115.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (VI). Notes de critique textuelle // RRL. 1976. 21, 4. p. 507-511.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (VII) // Studia et Acta Orientalia. Bucarest, 1977. 9. p. 59-65.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (VIII). De nouveau sur quelques devinettes comanes // Turcica. Paris, 1979. 11. p. 190-201.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (IX). Quelques récupérations // RO. 1978 (1979). 40, 1. p. 21-31.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (X). Notes de critique textuelle // RRL. 1979. 24, 2. p. 159-173.
- DRIMBA V. Miscellanea Cumanica (XI). Mots Comanes et Persans éclairés par leur gloses Latines // RRL. 1979. 24, 4. p. 353-371.

- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XII). Notes de critique textuelle // RRL. 1980. 25, 5. p. 485-493.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XIII). A propos de quelques textes comans marginaux // *Studia et Acta Orientalia*. Bucarest, 1980. 10. p. 77-81.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XIV). I. De nouveau sur le feuillet 76r 21-23 du Cod. Cum. II. Discordances sémantiques dans le vocabulaire latin-persan-coman // RRL. 1983. 28, 2. p. 99-124.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XV). Encore quelques discordances sémantiques dans le vocabulaire latin-persan-coman // RRL. 1983. 28, 6. p. 467-477.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XVI). Notes de critique textuelle // RRL. 1985. 30, 1. p. 7-21.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XVII). Notes de critique textuelle // RRL. 1987. 32, 5. p. 453-459.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XVIII) // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*. Istanbul, 1984 (1987). p. 1-10.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XIX). Notes de critique textuelle // RRL. 1988. 33, 6. p. 445-461.
- DRIMBA V. *Miscellanea Cumanica* (XX). Autour d'une nouvelle interprétation des devinettes comanes (1-3) // RRL. 1990. 35, 1. p. 53-70; 1990. 35, 2. p. 133-152; 1990. 35, 3. p. 231-251.
- DRIMBA V. Notes sur quelques glosses du „Codex Cumanicus“ // Вопросы тюркологии. К 60-летию акад. АН Азерб. ССР М.Ш.Ширалиева. Баку, 1971.
- DRIMBA V. Problèmes d'une nouvelle édition du Codex Cumanicus // RRL. 1970. 15, 3. p. 209-221.
- DRIMBA V. Quelques leçons et étymologies comanes // RRL. 1966. 11. p. 481-489.
- DRIMBA V. Quelques mots comans précisés par leur glosses allemandes // *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge, Mass., 1979-1980. 3-4. p. 205-214.
- DRIMBA V. Sur la datation de la première partie du Codex Cumanicus // *Oriens*. Leiden, 1981. 27-28. p. 388-404, 2 planches.
Рец.: A. von Gabain // *Ural-Altäische Jahrbücher*. Wiesbaden, 1982. N. F. 2.
- DRIMBA V. *Syntaxe comane*. Editura Academiei Bucureşti. E.J.Brill. Leiden, 1973.
Рец.: Куришжанов А.К. // *Qazaq tēlēmēn ādebīyetē*. Alma-Ata, 1974. 5.
- DRÜLL D. *Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979. 143 S., 1 Tafel, 2 Karten (= *Geschichte und Gesellschaft*. Bochumer Historische Studien. Bd. 23).
Рец.: A. von Gabain // *Materialia Turcica*. Bochum, 1979 (1981). 5; Pritsak O. // *Journal of Turkish Studies*. Cambridge, Mass., 1980. 4; Spuler B. // *Der Islam*. Berlin, 1981. 58, 1; A. von Gabain // *Ural-Altäische Jahrbücher*. Wiesbaden, 1982. N. F. 2; Warnke Ch. // *Historische Zeitschrift*. München, 1982. 235, 1; Drimba V. // RRL. 1983. 28, 5; Röhrborn K. // *ZDMG*. 1984. 134, 2; Röhrborn K. // *Bibliotheca Orientalis*. 1985. 42, 3-4.
- FRATTI C. *Versi italiani nel codice „Cumanico“ della Marcianna e Fr.Petrarcha* // *Il libro e la Stampa*. Milano, 1910. 4, 1. p. 3-9.
- von GABAIN A. *Die Sprache des Codex Cumanicus* // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1959. I. p. 46-73.
- von GABAIN A. *Komanische Literatur* // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1964. II. p. 243-251.
- von GABAIN A. *Komanische Studien* // *Ural-Altäische Jahrbücher*. Wiesbaden, 1982. N. F. 2. p. 290-291. [Rez.]
- von GABAIN A. Gronbech K. *Komanisches Wörterbuch...*, 1942 // *Orientalistische Literaturzeitung*. Berlin, 1944. № 1-2. col. 49. [Rez.]
- von GABAIN A. Drull D. *Der Codex Cumanicus...*, 1979 // *Materialia Turcica*. Bochum, 1979 (1981). 5. p. 136-139. [Rez.]
- GOLDEN P.B. *The Codex Cumanicus* // *Monuments of Central Asia*. Ed. H.B.Paksoy. Istanbul, 1992. p. 33-66.
- GRØNBECH K. *Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zum Codex Cumanicus*. Kopenhagen: Einar Munksgaard, 1942. 314 S. (= *Monumenta Linguarum Asiae Maioris*. Ed. K.Grønbech. *Subsidia*, vol. I).
Рец.: A. von Gabain // *Orientalistische Literaturzeitung*. Berlin, 1944. № 1-2. col. 49; Pritsak O. // *Der Islam*. Berlin, 1952. 30.

- GRZEGORZEWSKI J. Dzetaczyn perski „Kodeksu Kumańskiego” // RO. 1914-1915. 1. p. 85-93 (Резюме: RO Bulletin. 1914-1915. 1. p. 1-2).
- GYÁRFÁSI A. Petrarka Codex kún nyelve // Értekezések a Történelmi Tudományok Köréből (Értekezések a II. Oszt. Köréből). Budapest, 1882. X kötet, № 8.
- GYÖRFFY G. A Codex Cumanicus keletkezésének kérdéséhez // A Magyar Történettudomány Intézet Évkönyve 1942. Budapest, 1942. p. 757-777.
- GYÖRFFY G. Autour du Codex Cumanicus // Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata, (1942-1947). Ebendo operi praefuit L. Ligeti. Budapestini, 1942. Vol. I. p. 110-137 (= Bibliotheca Orientalis Hungarica. 5).
- ХАБИЕВ М.А. Именное словособразование и формообразование в куманских языках. М., 1989. 217 с.
- HUNFALVY P. A Kún-vagy Petrarka-Codex és a Kúnok // Értekezések a Magyar Tudományos Akademia Nyelv- és Széptudományok osztálya Köréből (Értekezések az I. Oszt. Köréből). Budapest, 1881. IX, № 5. p. 1-49.
- HUNFALVY P. Der Kumanische oder Petrarka-Codex und die Kumanen // Ungarische Revue. Leipzig, 1881. 1. p. 602-632.
- INAN A. Codex Cumanicus bilmәcelerine dair // Kopuz. Istanbul, 1939. № 2. p. 122-124; № 3. p. 83-84 (= INAN A. Makaleler ve Incemeler. Ankara, 1968. p. 353-358).
- КЕНЕСБАЕВ С.К., КУРЫШЖАНОВ А.К. О новом издании „Codex Cumanicus” в Казахстане // Известия академии наук Казахской ССР. 1964. Серия общественных наук. Вып. 3. с. 35-45.
- von KLAPROTH H.J. Notice sur un Dictionnaire persan, coman et latin, manuscrit légué par Pétrarque à la épublique de Venise // Journal asiatique. Paris, 1826. 1-ère série, t. 8. p. 114-117.
- KLAPROTH J. Vocabulaire latin, persan et coman d'après un MS écrit en 1303, et provenant de la bibliothèque de poète Franc. Petrarca // Mémoires relatifs à l'Asie [contenant des recherches historiques et philologiques sur les peuples de l'Orient]. Paris, 1828. T. 3. p. 113-256.
- KOWALSKI T. À propos du Codex Cumanicus fol. 69 r., 9-10 // RO. 1928. 6. p. 210-215.
- KOWALSKI T. Zu den türkischen Monatsnamen // Archiv Orientalní. Praha, 1930. I. p. 3-26.
- КУРЫШЖАНОВ А. Арабо-персидские элементы в куманском языке // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1962. Вып. 4. с. 157-216.
- КУРЫШЖАНОВ А. Генетив в куманском языке // Известия академии наук Казахской ССР. 1958. Серия филологии и искусствоведения. Вып. 1-2 (8-9). с. 52-56.
- КУРЫШЖАНОВ А. К изучению куманских загадок // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1960. Вып. 2. с. 167-176.
- КУРЫШЖАНОВ А. О графике одного слова в памятнике куманского языка „Codex Cumanicus” // Эпиграфика востока. 1963. 15. с. 120-122.
- КУРЫШЖАНОВ А. Синтаксис куманского языка В.Дримбы // Qazaq telemen әдеbiyete. Alma-Ata, 1975. 5. p. 135.
- КУРЫШЖАНОВ А.К., ДЖУБАНОВ А.Х., БЕЛБОТАЕВ А.Б. Куманско-казахский частотный словарь // Qumanša-qazaqša •iyilik sözdik. Almaty, 1978.
- KUUN G. A kúnok nyelvéről és nemzetiségéről // Értekezések a Nyelv- és Széptudományok Köréből (Értekezések az I. Oszt. Köréből). 1895. XII, № 11. p. 53-55.
- KUUN G. Additamenta ad prolegomena Codicis Cumanici // Atti del IV. Congresso internazionale degli Orientalisti. Firenze, 1881. Parte sesta, vol. II. p. 223-229.
- KUUN G. Additamenta zu dem germ. Glossar des Codex Cumanicus // Korrespondenzblatt des Vereins für Siebenbürgische Landeskunde. Hermanstadt, 1891. XIV. № 11. p. 102-104.
- KUUN G. Additamentorum ad Codicem Cumanicum novam seriem scripsit Comes Géza Kuun. Budapestini: Ex Typographia Societ. Franklin, 1883. 40 pp.
- KUUN G. Il codice comano della Marciana a Venezia // Bolletino italiano degli studi orientali. 1876-1877. 1. p. 50-53, 92-97.
- KUUN G. Quinquaginta aenigmata Cumanica. Ex Codice Cumanico Bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Versione et notis criticis illustravit Comes Géza Kuun. Budapestini: Ex Typographia Soc. Franklin, 1878. 15 pp.

- KUUN G. Über die Sprache und Nationalität der Kunen (Kumanen) // Ungarische Revue. Leipzig, 1885. 5. p. 644.
- KUUN G. Újabb adatok a kún Petrarka-Codexhez // Magyar Tudományos Akadémia Értekezések az i. Oszt. Köréből. Budapest, 1893. X, № 12.
- KUUN G. Radloff W.W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus..., 1887 // Giornale della Società Asiatica Italiana. 1889. III. p. 192-199; 1890. IV. p. 236-250. [Rez.]
- LIGETI L. A Codex Cumanicus margójára // A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományok Osztályának Közleményei. 1982. 33, 1-4. p. 317-362.
- LIGETI L. Dengizih és Bécs állítólagos kun megfelelői // Magyar Nyelv. Budapest, 1962. 58. p. 146-152.
- LIGETI L. Prolegomena to the Codex Cumanicus // AO Hung. 1981. 35, 1. p. 1-54.
Рец.: Vásáry I. // The New Hungarian Quarterly. Budapest, 1983. 24, 1.
- LIGETI L. Sur deux mots comans // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1962. 10, 1-3. p. 167-174.
- МАХМУТОВ Х. Татарские параллели куманских загадок // Советская тюркология. Баку, 1971. № 3. с. 87-96.
- MÄHMUTOV H. „Koman mädmuāasi”ndaāi tabišmaqlar // Qazan utları. Казань, 1969. № 11. с. 157-164.
- МАЛОВ С.Е. К истории и критике Codex Cumanicus // Известия АН СССР. Л., 1930. VII серия. Отделение гуманитарных наук. с. 347-375.
- MENZEL Th. Über die Werke des russischen Turkologen A.Samojlovič // Archiv Orientalní. 1929. 1, 2. p. 233. [Rez.]
- MOLLOVA M. Codex Cumanicus de Geza Kuun // Prilozi za Orientalnu Filologiju. Sarajevo, 1988. 37. p. 313-316. [Rez.]
- MOLLOVA M. Codex Cumanicus, le bouddhisme et le turc oriental // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1990. 80. p. 141-165.
- MOLLOVA M. Monchi-Zaden D. Das Persische im Codex Cumanicus..., 1969 // Prilozi za Orientalnu Filologiju. Sarajevo, 1987 (1988). 37. p. 316-319. [Rez.]
- MOLLOVA M. Essai de précision de quelques mots comans du Codex Cumanicus // Archiv Orientalní. Praha, 1989. 57, 1. p. 35-46.
- MOLLOVA M. Interpretation linguistique et astrologique des deux devinettes du Codex Cumanicus // Orientalia Suecana. Uppsala, 1992-1993. 41-42. p. 181-214.
- MOLLOVA M. La véracité graphique turque du Codex Cumanicus prouvée par les turkismes en bulgare // Linguistique balkanique. Sofia, 2001. 41, № 3.
- MOLLOVA M. Le calendrier coman du Codex Cumanicus est juste // Linguistique balkanique. Sofia, 1987. 30, № 3. p. 163-173.
- MOLLOVA M. Le Persan des Comans et la valeur de certaines lettres dans le Codex Cumanicus // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1988. 78. p. 87-119.
- MOLLOVA M. Les petits textes turcs du „Codex Cumanicus”. Découverts et explorés par M.Mollova. Paris, 1993. 96 pp. (Institut d'études turques. Université de la Sorbonne Nouvelle).
- MOLLOVA M. Nouveaux côtés dévoilés du Codex Cumanicus // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1993. 83. p. 117-148.
- MOLLOVA M. Nouvelle interprétation de 25 devinettes du Codex Cumanicus // Linguistique balkanique. Sofia, 1981. 24, № 4. p. 47-78.
- MOLLOVA M. Quelques anthroponymes bulgares d'origine turke orientale-asiatique et septentrionale // Materialia Turcica. Bochum, 1966. 17. p. 15-27.
- MOLLOVA M. Sur certains mots comans et persans dans le „Codex Cumanicus“ // RO. 1992. 48, 1. p. 83-127.
- MOLLOVA M. Sur quelques devinettes du Codex Cumanicus // Studia et Acta Orientalia. Bucarest, 1980. 10. p. 103-116.
- MOLLOVA M. Sur un hymne du Codex Cumanicus // RO. 1987. 45, № 2. p. 27-33.
- MOLLOVA M. Termes Turks Caura, caura yur-/yuru- dans le Codex Cumanicus // RO. 1995. 49, 2. p. 37-51.
- MOLLOVA M. Traces des querelles religieuses dans le Codex Cumanicus // AO Hung. 1985. 39. p. 339-351.
- MOLLOVA M. Traces des querelles religieuses dans le Codex Cumanicus (II) // Archiv Orientalní. Praha,

1993. 61. p. 419-432.

МОЛЛОВА М. Тюркские слова *tulum, tobalaq, yez, qarpa* в *Kodeks Kumanikus* // Советская тюркология. Бакү, 1989. № 2. с. 34-39.

MONCHI-ZADEH D. *Das Persische im Codex Cumanicus*. Uppsala, 1969. 219 pp. (= *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Indoeuropaea Upsaliensa*. 1).

Рец.: Mollova M. // *Prilozi za Orientalnu Filologiju*. Sarajevo, 1987 (1988). 37.

MONCHI-ZADEH D. *Bodrogligei' A., The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus...*, 1971 // *Oriens*. Leiden, 1976. p. 25-26. [Rez.]

NÉMETH J. Tietze A. *The Koman Riddles...*, 1966 // *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, 1971. 15. p. 314-317. [Rez.]

NÉMETH J. *Die Rätsel des Codex Cumanicus* // *ZDMG*. 1913. 67. p. 577-608.

NÉMETH J. *Zu den Rätseln des Codex Cumanicus* // *Kőrösi Csoma-Archivum*. Budapest, 1930. II (1926-1932), № 5. p. 356-367.

ORTEKIN H. Rasovskiy D.A. *Codex Cumanicus'un mente meselesi hakkında* (Sem. Kond., III, 1929, p. 193-214) // *Türkiyat Mecmuasi*. Istanbul, 1936. 5. p. 351-352. [Rez.]

POPPE N. *Die mongolischen Lehnwörter im Komanischen* // *Németh Armadani. Hazirliyanlar: János Eckmann et al.* Ankara, 1962. p. 331-340 (= *Türk Dil Yayinlari. Sayi 191*).

PRITSAK O. Gronbech K. *Komanisches Wörterbuch...*, 1942 // *Der Islam*. Berlin, 1952. 30. p. 111-113. [Rez.]

RADLOFF W.W. Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des *Codex Cumanicus* // *Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg*. 1887. 31. p. 121-124.

RADLOFF W.W. *Das türkische Sprachmaterial des „Codex Cumanicus“*. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest 1880) // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg*. 1887. 7-e série, tome 35, № 6. p. 1-132.

Рец.: Kuun G. // *Giornale della Società Asiatica Italiana*. 1889. III; 1890. IV.

RADLOFF W.W. *Die Rätsel des Codex Cumanicus* [1915, не опубликована; хранится в Asiatisches Museum der Akademie der Wissenschaften, № 554 (Inventar 1918)].

РАДЛОВ В.В. О языках куманов. По поводу издания куманского словаря // *Записки Императорской Академии Наук*. 1884. 48, приложение № 4.

RADLOFF W.W. *Zur Sprache der Komanen* // *Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft*. Leipzig, 1884. I. p. 377-382; 1885. II. p. 13-42.

РАЗОВСКИЙ Д.А. К вопросу о происхождении *Codex Cumanicus* // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1929. 3. p. 193-214.

Рец.: Ortekin H. // *Türkiyat Mecmuasi*. Istanbul, 1936. 5.

ROESLER R. *Über das Kumanische* // *Roesler R. Romänische Studien. Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens*. Leipzig, 1871. S. 331, 352-356.

RÖHRBORN K. Drull D. *Der Codex Cumanicus...*, 1979 // *ZDMG*. 1984. 134, 2. p. 377. [Rez.]

SAFRAN M. *Yaşadıkları sahalar da yazılan lügatlara göre Kuman/Kıpçak-lar'da siyasî, iktisadî, sosyal ve kültürel yaşayış*. Ankara, 1993. XV + 212 pp. (= *Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü*. 137; I/A 27).

Рец.: Ahmetbeyođlu A. // *Türk Dünyası Araştırmaları*. Ankara, 1994. 89. p. 223-225.

SALAVILLE S. *Un manuscrit chrétien en dialecte turc, le Codex Cumanicus* // *Échos d'Orient*. Paris, 1911. 14. p. 278-286, 314.

SALAVILLE S. *Un peuple de race turque christianisée au XIII siècle: les Comans* // *Échos d'Orient*. Paris, 1914. 18. p. 193-208.

SALEMANN C. *Zur Kritik des Codex Cumanicus* // *Известия Императорской Академии Наук*. 1910. VI серия, № 12. с. 943-957.

САМОЙЛОВИЧ А.Н. К истории и критике *Codex Cumanicus* // *Доклады Российской Академии Наук*. 1924. Серия В. с. 86-89.

Рец.: Menzel T. // *Archiv Orientalní*. 1929. 1, 2.

SHAKI M. *Bodrogligei' A. The Persian Vocabulary...*, 1971 // *Archiv Orientalní*. Praha, 1974. 42. p. 261-

262. [Rez.]

- STOJANOV V. Edin neizčerpan izvor: Codex Cumanicus // Vekove. Sofija, 1982. № 6. p. 28-35.
- STOJANOV V. Bulgaro-turcica 3: Istorija na izučavaneto na Codex Cumanicus // Istoričesko badešte. Sofija, 1997. № 1. p. 42-91; № 2. p. 29-74.
Peц.: Zaprjanova A. Bulgaro-turcica 1, 2, 3... // Istoričeski pregled. Sofija, 1999. № 5-6. p. 222-228.
- STOJANOV V. Bulgaro-turcica 3-4: Istorija na izučavaneto na Codex Cumanicus; Kumano-pečenežki antroponimi v Bălgarija prez XV vek. Sofia, 2000. 320 p.
Peц.: M. Račeva // Linguistique balkanique. Sofia, 2002. 42, № 1.
- STOJANOV V. Quelques remarques sur la étude du Mefküre Mollova „La véracité graphique turque du Codex Cumanicus prouvée par les turkismes en bulgare“ // Linguistique balkanique. Sofia, 2001. 41. № 3.
- TEZA E. Gli inni e le preghiere in lingua cumonica: revisione nel codice veneziano // Rendiconti della R.Accademia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Roma, 1891. Vol. VIII, 1 semestre, fasc. 12. p. 586-596.
- TEZA E. Un'altra occhiata al „Codex Cumanicus“ // Rendiconti della R.Accademia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Roma, 1891. Vol. VII, 1 semestre, fasc. 8. p. 315-327.
- TIETZE A. The Koman Riddles // Труды XXV-го Международного Конгресса востоковедов (Москва, 9-16 августа 1960 г.). М., 1963. Т. 3. с. 338-344.
- TIETZE A. The Koman Riddles and Turkic Folklore. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1966. XIV + 160 pp. (= University of California Publications - Near Eastern Studies, vol. 8).
Peц.: Başgöz I. // Journal of American Folklore. Philadelphia, 1968. 81, № 319. p. 368-371; Doerfer G. // Fabula. 1970. 11, 1-2. p. 196-201; Németh J. // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1971. 15; A. von Gabain // Ural-Altische Jahrbücher. Wiesbaden, 1982. N. F. 2.
- VÁSÁRY I. Ligeti L. Prolegomena to the Codex Cumanicus..., 1981 // The New Hungarian Quarterly. Budapest, 1983. 24, 1. p. 110-111. [Rez.]
- WARNKE Ch. Drull D. Der Codex Cumanicus..., 1979 // Historische Zeitschrift. München, 1982. 235, 1. p. 175-176. [Rez.]
- ZAJĄCZKOWSKI A. Do historii Kodeksu Kumanskiego: termin „talašman“ // Sprawozdania Polskiej Akademii Umijetnosci. Kraków, 1949. 50, № 8. p. 420-425.
Peц.: Pritsak O. // Der Islam. Berlin, 1952. 30.
- ZAJĄCZKOWSKI A. Związki językowe połowiecko-słowiańskie // Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Wrocław, 1949. Ser. A, № 34. p. 37-44.
- ZORZANELLO P. La Data e la provenienza del Codice „Cumanico“ (Marciano Latino 549) [1949 - MS, не опубликована].

STOYANOV V.
CODEX CUMANICUS. THE HISTORY OF STUDY
Summary

In historiographic article the characteristic of a valuable source is given. It enriched our knowledge about interrelationships between the West and the East in the 14th century. Many philologists and historians have been researching *Codex Cumanicus* for about two centuries. Having examined the results of more than 150 specific publications about this monument it became obvious that the interest of the researchers is directed to the problems of structure, contents and composition, dating and origin, its authors and its function, as well as the problem if it is the original or a copy or a copy of a copy. Special attention is paid to religious texts, Cumanic riddles and calendar, to numerous linguistic data that show the importance of the source in linguistic and culture-historic aspects.